

В. Ф. Ходасевич

О смерти Поплавского

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922--1939. -- М.: Согласие, 1996.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Смерть Бориса Поплавского -- не просто утрата молодого, еще не осуществившего всех своих возможностей, но, бесспорно, одаренного поэта. К несчастью, это событие горестно и повелительно заставляет еще раз вернуться к темам, которых уже приходилось касаться на этих страницах.

Борис Поплавский умер случайно: от слишком большой дозы недоброкачественного наркотического вещества. Доза могла быть меньше, вещество могло быть лучше -- Поплавский остался бы жив. Таково общее мнение. От некоторых друзей покойного, хорошо осведомленных в его жизни и настроениях, я слышал, что, может быть, дело было и не совсем так, что Поплавский умер по своей воле. Возможно и то, что чужое отчаяние нашло в нем слишком глубокий отклик и он дал себя увести из жизни. Допустим, однако, что самоубийства действительно не было, что во всем виновата роковая случайность. И все-таки, если заглянуть хоть немного глубже, становится ясна ужасная внутренняя неслучайность этого несчастья, как будто случайного. Быть может, случайно даже то, что оно произошло именно в такой-то день и час, именно с Поплавским, из-за проклятого героя. Но совсем не случайно то, что оно вообще произошло в молодой литературной среде, в среде эмигрантского Монпарнасса. Чего-то в этом роде, какой-то вообще катастрофы, не только можно, но и нужно было ждать. Те, кто, быть может, помнят некоторые мои статьи (например -- "Подвиг", "Литература в изгнании", "Жалость и "жалость""), благоволят припомнить и то, что на возможность катастроф я не раз намекал, порою довольно прозрачно. Не говорил прямо единственно потому, что боялся кого-нибудь на что-нибудь подтолкнуть.

Прискорбнее всего то, что не было нужды ни в какой дальновидности для того, чтобы говорить о воздухе распада и катастрофы, которым дышит, отчасти даже и упивается, молодая наша словесность. Об этом воздухе писал и Г. В. Адамович в нашем недавнем споре. Разница была только в том, что мы этот воздух по-разному оценивали.

К существу спора я сейчас не хочу возвращаться. Над еще не засыпанной могилой Поплавского не хочу говорить о том, что ложно и губительно в умонастроениях Монпарнасса, им разделявшихся и даже отчасти именно им создававшихся. Правда, если бы даже и коснулся я этого предмета, я бы отнюдь не осуждал Поплавского, я бы только указал на ошибочность внутреннего пути, которым он шел и которым идут многие из его товарищей. Но и такие указания прозвучали бы спором, сейчас ни с какой стороны не уместным.

Этого мало. Пусть монпарнасские веяния ложны и губительны (от этого взгляда своего я и сейчас не могу отказаться, смерть Поплавского меня даже еще более в том укрепляет); пусть, таким образом, очутился Поплавский жертвою внутренних своих (и не только своих) заблуждений. Но беда в том, что далеко не одни эти заблуждения были причиной его гибели. Тут чрезвычайно большую роль сыграли обстоятельства, в которых ни Поплавский, ни его друзья никак не повинны. Этих-то вот обстоятельств я и намерен еще раз коснуться, потому что бессовестно было бы их не замечать или молчать о них, а еще потому, что не только заблуждения идейные, но и эти самые обстоятельства играют важную роль в том всеобщем отчаянии, которым охвачены молодые слои эмигрантской литературы. Отсутствие веры в жизнь, в себя, в самое творчество (и не только в это) лишь отчасти составляет собственную вину молодежи. В не меньшей, а может быть, и в еще большей степени на путь безверия и отчаяния толкают ее силы внешние, лежащие за пределами Монпарнасса. Я разумею то поразительное равнодушие, которое проявляет эмиграция к своей молодой словесности.

Начать с представителей старшей литературы. Между ними и молодым поколением вовсе не было и нет той принципиальной вражды, которая нередко разделяет "отцов" и "детей" и почти всегда приносит даже известную пользу если не "отцам", то "детям". С самого начала молодежь наша по отношению к старшим повела себя не только почтительно, но и любовно -- как пример приведу трогательное предисловие редакции к первому выпуску "Нового Дома". Что же она получила в ответ? Отнюдь не вражду, но нечто гораздо более тяжкое: величественное незамечание, оскорбительное невнимание. За самыми немногими исключениями, литературные олимпийцы наши (в особенности -- подавляющее, задающее тон большинство их, которое только корчит из себя богов, не имея на то никакого права) не